

Ци Фэнцзю принесли в усадьбу Ци на носилках служащие Экзаменационного двора. Белый шелковый халат на его груди был запятнан кровью. Старого господина Ци еще не было дома, и госпожа Ци, обезумев от ужаса, бросилась к сыну, отчаянно тряся его за плечи. Ей казалось, будто небеса рушатся на землю, а солнце навсегда померкло.

— Сын мой, что с тобой?! Посмотри на матушку, умоляю тебя!..

Ци Фэнцзю с трудом приоткрыл глаза. Его прерывистый шепот едва можно было разобрать:

— Матушка, ваш сын непочтителен... Прошу... приведите Мэнчжэня. Мне нужно сказать ему... кое-что важное.

— Его забрали в поместье князя Цзиня.

— Ступай... вели вернуть его, — прошептал он, растрачивая последние силы. — Если не поговорю с ним сейчас... боюсь, потом уже... не смогу...

Госпожа Ци громко разрыдалась, прерывая его:

— Не смей говорить такие страшные вещи! Ты поправишься, мой мальчик, обязательно поправишься!

Ци Фэнцзю лишь бессильно покачал головой и закрыл глаза, погружившись в молчание.

Госпожа Ци взволнованно расхаживала по комнате, комкая в руках шелковый платок. Она не решалась послать за Цзян Мэнчжэнем. Если семья Цзян увидит Ци Фэнцзю в таком плачевном состоянии, они наверняка расторгнут помолвку.

«Мой сын еще так молод, разве может он умереть от этого? Должно быть, старый недуг обострился из-за неудачи на экзаменах. Сердце зашло от досады и гнева. Стоит пригласить хорошего лекаря, попить снадобья несколько дней — и всё наладится».

Лекари приходили один за другим. Некоторые, едва пощупав пульс, уходили, даже не выписав рецепта. Другие уверяли, что ничего страшного не произошло, и сулили чудесное исцеление по своим секретным предписаниям. Они оставляли бесполезные укрепляющие рецепты, которые хотя бы не могли навредить больному, и, чинно забрав плату за визит, удалялись.

Ци Фэнцзю поили лекарствами без счета, но улучшения не наступало. Он всё чаще впадал в забытие, а приходя в себя, первым делом спрашивал, приехал ли Цзян Мэнчжэнь.

Вскоре по усадьбе поползли злые толки. Слуги шептались, будто молодой господин угасает на глазах, а молодой господин Цзян даже перед смертью не желает навестить его, прячась в

поместье князя Цзиня, чтобы поскорее подыскать себе новую партию.

Двое слуг, уверенные, что Ци Фэнцзю спит, принялись пересуживать об этом прямо у его постели. Фэнцзю слышал каждое слово. Он не знал, что его мать даже не посылала людей за Мэнчжэнем, и поверил, что его нареченный проявил столь черствую холодность.

Когда госпожа Ци пришла навестить его, он, собрав остаток сил, ухватил ее за руку.

— Мэнчжэнь... неужели он не хочет приходить?

— У него... у него появились срочные дела, он просто не может вырваться, — поспешно уклонилась от прямого ответа госпожа Ци. — Ты сейчас болен, к чему забивать голову глупостями? Неужели во всей Поднебесной мало хороших гэеров, кроме этого Цзян Мэнчжэня? Вот поправишься — пред тобой любые красавцы на цыпочках ходить будут.

Услышав это, Ци Фэнцзю окончательно пал духом. Лицо его сделалось мертвенно-бледным. Всю жизнь он не знал преград: его красота и талант превосходили всякие ожидания, и судьба доселе хранила его от невзгод. И теперь, столкнувшись с сокрушительным поражением и на экзаменационном поприще, и в любви, он не вынес удара. Сама мысль о том, что даже в случае выздоровления ему придется терпеть косые взгляды и насмешки за своей спиной, лишила его всякого желания бороться за жизнь.

Мысли госпожи Ци окончательно спутались от отчаяния, и она начала хвататься за любые соломинки. Ей вдруг вспомнилась театральная пьеса, где Лян Шаньбо харкает кровью и умирает от тоски из-за невозможности жениться на Чжу Интай.

«Но ведь тот Лян был беден и наверняка не имел в услужении смазливых наложниц, оттого и сох по одной-единственной! Семья Ци — дело другое. Если подложить в постель к сыну кого-нибудь красивого, развеять это наваждение плотской лаской, болезнь наверняка отступит. А когда Фэнцзю поправится, этого мальчишку можно будет поселить где-нибудь на стороне и преспокойно продолжить сватовство к семье Цзян. Разве не идеальный выход?»

Ослепленная страхом, госпожа Ци поверила в собственную выдумку. Чем больше она размышляла, тем более разумным казался ей этот план. Она наотрез отказывалась верить, что ее прекрасный сын может угаснуть в самом расцвете лет. Потеряв последние крохи рассудка, она велела отправить в спальню умирающего юноши смазливое молодого гэера.

Нежданная удача, свалившаяся прямо с небес, ошеломила гэера. Роковая ночь давала ему шанс изменить предначертанную судьбу. Решив идти до конца, он вознамерился во что бы то ни стало соблазнить господина, а еще лучше — сразу зачать дитя, чтобы обеспечить себе безбедное будущее и почет. Поборов страх, он тайно раздобыл через знакомых сильное возбуждающее зелье из публичного дома и подмешал его в чашу с лекарством Ци Фэнцзю, заставив того выпить всё до капли.

Ослабленное болезнью тело Ци Фэнцзю не могло перенести подобного яда. Снадобье подействовало мгновенно: в ушах зазвенело, голова пошла кругом, а внутренности словно охватило бушующее пламя. Рассудок затуманился бредовыми видениями.

Когда чужие руки принялись лихорадочно расстегивать его одежды, Фэнцзю мертвой хваткой вцепился в запястье гэера и прошептал, растрачивая последние крупницы жизни:

— Мэнчжэнь... пред тобой... я виноват... Мэнчжэнь... тот, кто спас тебя...

— Старый господин! Госпожа! Беда! Молодой господин... он умер!..

Госпожа Ци упала на колени перед кроватью сына, содрогаясь от рыданий. Она вцепилась в плечи дрожащего гэера и в безумной ярости принялась трясти его, выкрикивая обвинения:

— Когда тебя впускали сюда, он был еще жив! Что ты с ним сделал?! Говори! Говори же!

Перепуганный гэер распластался на полу, непрерывно бьась лбом о доски:

— Ничтожный раб только вошел в покои, как молодой господин во весь голос стал звать молодого господина Цзяна! Он звал его, звал... а потом вдруг испустил дух!

— А-а-а!

Издав пронзительный вопль, госпожа Ци рухнула без чувств. Старый господин Ци лишь беззвучно плакал, хватаясь за сердце.

Те же, кто не знал истинных обстоятельств трагедии, решили, будто бессердечие и холодность Цзян Мэнчжэня свели преданного влюбленного в могилу. С тех пор госпожа Ци возненавидела Мэнчжэня до глубины души, так и не осознав, что сама толкнула единственного и нежно любимого сына к краю бездны.

Когда страшная весть достигла поместья князя Цзиня, Цзян Мэнчжэнь долго не мог поверить своим ушам, переспрашивая слуг снова и снова. Его старшая сестра, Цзян Мэню, прижимавшая к себе трехлетнего сына, тоже замерла в оцепенении.

Заметив, что брат, шатаясь, направляется к выходу, она окликнула его:

— Мэнчжэнь! Куда ты?

— В усадьбу Ци...

— И зачем тебе туда? Оплакивать его? — В комнату вошли маркиз Цзян Бичэн с супругой, которые, очевидно, тоже прослышали о беде. — В каком качестве ты предстанешь перед ними? Если явишься туда в таком растрепанном виде да еще устроишь сцену с рыданиями, представляешь, какие слухи поползут по столице? Что скажут люди?

Цзян Мэнчжэнь опустил голову. Из его покрасневших глаз брызнули слезы.

— Но ведь я... всё же его двоюродный брат.

— Всего лишь двоюродный брат, — вздохнул Цзян Бичэн. — Кто мог предвидеть такую трагедию? По счастью, вы еще не успели обменяться картами судьбы и заключить официальную помолвку. Не изводи себя так.

Госпожа Цзян подошла ближе и нежно привлекла сына к себе, поглаживая по спине.

— Здесь все свои, милый. Если хочешь поплакать — поплачь, не сдерживайся. Но на людях ты должен держать себя в руках. Стоит показаться убитым горем — и твоей безупречной репутации придет конец.

Слезы хлынули из глаз Мэнчжэня с новой силой. Заметив это, маркиз Цзян внутренне напрягся.

— Вы ведь не... между вами ничего не было?

— Ну что ты говоришь, отец! Разве брат способен на такое безрассудство? — вмешалась Цзян Мэню, укоризненно покачав головой. — Да, за последние годы они стали немного ближе, но всякий раз встречались и беседовали лишь при слугах, у всех на виду. Хотя старшего молодого господина Ци и впрямь жаль... Небеса часто ревнивы к великим талантам.

— Оно так, но что теперь делать со свадьбой Мэнчжэня? — обеспоенно нахмурилась госпожа Цзян. — Где это видано, чтобы гэр из благородной семьи оставался неженатым после двадцати лет? Нам нельзя больше медлить.

«О каких смотринах может идти речь сейчас?» — Мэнчжэнь чувствовал, как от горя и потрясения его мысли путаются, превращаясь в тугой узел. Со дня его спасения из ледяного пруда он свято верил, что между ними произошло нечто сокровенное, тайное прикосновение тел, и с тех пор втайне считал Ци Фэнцзю своим нареченным мужем. Пусть в их встречах не было безумной страсти, они всегда выказывали друг другу глубокое почтение и заботу. Его сердце было разбито.

— Ну хорошо, — примирительно произнес маркиз Цзян. — Мы с твоей матерью сейчас отправимся в усадьбу Ци, чтобы выразить соболезнования. Твоя сестра останется с тобой. Вернемся к этому разговору позже, но помни: нам всё равно придется принять какое-то решение.

Когда чета Цзян прибыла в усадьбу Ци, госпожа Ци сразу заметила отсутствие Цзян Мэнчжэня. В глубине ее души шевельнулась глухая, упрямая обида.

В траурном зале, облаченные в белые одежды, стояли наложницы и внебрачные сыновья покойного. Поток соболезнующих казался бесконечным. Боясь проявить непочтение к столь важным гостям, старый господин Ци велел своему второму сыну, Ци Хэли, лично заняться приемом родственников из дома Цзян.

Наложница Чжоу усердно бросала в огонь ритуальную бумагу, украдкой поглядывая в сторону сына. Когда до нее долетела весть о кончине старшего наследника, она от неожиданности едва не подпрыгнула на кане. В прежние времена ей и самой не раз приходили в голову грешные мысли о том, как бы известить законного сына госпожи, но непреклонная строгость и грозный нрав законной супруги сдерживали ее. Кто же знал, что судьба окажется столь переменчивой? Ци Фэнцзю был одарен умом, да обделен удачей — взял и умер сам собой. Господин Ци уже много лет не делил ложе с супругой, старшая барышня вскоре покинет родной дом, а третий и четвертый сыновья — сущие несмышлениши. Выходит, теперь вся усадьба Ци ляжет на плечи ее собственного сына?

«Сейчас важнее всего — поскорее подыскать Хэли достойную партию. Если за его спиной встанет богатая и влиятельная семья невесты, вся усадьба Ци непременно окажется в наших руках».

Прежде она и помыслить не смела о родстве с благородными маркизами и герцогами, но, заметив, как ласково Цзян Бичэн похлопывает ее сына по плечу, выказывая явное расположение, Чжоу осмелела.

«Почему бы моему мальчику не взять в жены благородного гэера из знатного рода?»

В ее голове созрел коварный замысел. Она решила пустить слух, будто Цзян Мэнчжэнь — несчастливый суженый, сгубивший своего первого жениха. Когда все именитые женихи отвернутся от него, Ци Хэли явится со сватовством — и тогда усадьбе Цзян просто не останется выбора, кроме как согласиться на этот брак.

Цзян Бичэн руководствовался совсем иными помыслами, нежели наложница Чжоу, однако его взгляд то и дело возвращался к стоявшему неподалеку Ци Хэли. Молодой человек был не по годам статен и красив, а в его осанке сквозила суровая, холодная решимость, столь редкая среди изнеженных столичных книжников. Маркиз втайне восхищался им, видя в юноше будущего великого полководца, способного вести за собой армии. Его мысли невольно

устремились в том же направлении, что и у наложницы Чжоу, удивительным образом совпав с ее дерзкими надеждами.

На обратном пути, покачиваясь в экипаже, маркиз нарушил молчание:

— Моя госпожа, что ты думаешь о втором молодом господине Ци?

— Лицом на редкость пригож, да и нрав у него, видать, степенный — не из тех, кто попусту мелет языком, — отозвалась госпожа Цзян, внезапно уловив намек мужа, и выпрямилась на мягких подушках. — Однако... ведь второй молодой господин рожден от наложницы. Их положение с Мэнчжэнем слишком разное, разве это пара?

— Старшего сына больше нет, какая теперь разница между законным наследником и бастардом? — Цзян Бичэн нежно привлек жену за плечи. — Тебе ли не знать: в юности я немало странствовал с покойным отцом и всегда всем сердцем восхищался воинами, готовыми с мечом в руках пройти Поднебесную насквозь. Увы, на мои плечи легла обязанность унаследовать поместье, и мне пришлось корпеть над книгами. Но я по-прежнему считаю, что от книжной премудрости мало проку, и куда больше ценю храбрых юношей, владеющих воинским искусством. Второй молодой господин Ци именно таков. Уж лучше пусть наш Мэнчжэнь выйдет за него, сделав шаг назад в глазах света, нежели я отдам его какому-нибудь разнеженному щеголю из знатного рода. Столичных повес пруд пруди, но разве могу я позволить, чтобы мое сокровище досталось ничтожеству, погрязшему в кутежах, азартных играх и разврате?

— Твоя правда, — госпожа Цзян ласково сжала широкую ладонь мужа. — Мужчине подобает иметь твердый внутренний стержень. Совсем как у тебя: хоть ты и ученый муж, но духом крепок. Вспомни только, сколько раз ты шел наперекор воле матери, наотрез отказываясь брать наложниц. Мое сердце порой разрывалось от жалости, я даже порывалась просить тебя уступить ей, но ты так отчаянно боролся за нас... Разве могла я предать твою верность? Мы выстояли. И пусть я так и не смогла подарить тебе наследника, наши чувства за эти долгие годы ни на йоту не остыли. Глядя на то, в каком холодном равнодушии живут иные знатные супруги, я понимаю: даже куча детей не заменит согласия в доме. Второй молодой господин Ци тоже кажется мне человеком несгибаемой воли. Если он проявит искренность и будет предан Мэнчжэню всей душой, то никакая разница в происхождении не будет иметь значения.

Приняв решение, супруги не торопились. Бережа чувства сына, они выждали больше полумесяца, прежде чем завести с ним осторожный разговор. Но стоило им высказать свое предложение, как Мэнчжэнь не успел даже открыть рта — стоявший подле него слуга Чжухэнь в изумлении выпалил:

— Выдать молодого господина за второго молодого господина Ци?! Но разве так можно?!